

Часть II. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

А.Ю. Бахтурина

Славянское единство: идея и практическое воплощение в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны

История возникновения и развития славянской идеи на протяжении многих лет пользовалась вниманием российских и зарубежных ученых¹. В последние годы интерес к идее не ослабевает, и она становится все более актуальной в контексте политического развития современного мира². Одним из важнейших аспектов изучения славянской идеи является вопрос о ее использовании в политической практике и отношении к ней государственных и политических деятелей. В этой связи небезынтересным представляется вопрос о преломлении славянской идеи в политике Российской империи периода Первой мировой войны на территории Восточной Галиции.

В 1908 г. на Всеславянском съезде в Праге чешский политический и общественный деятель К. Крамарж сформулировал политическое кредо неославизма, воспринятое многими российскими общественно-политическими деятелями. Крамарж заявил, что славяне стремятся ощутить себя единым целым, объединенным совместными культурными интересами. На съезде в Праге присутствовали известные русские общественно-политические деятели, депутаты Государственной Думы, члены Галицко-русского благотворительного общества В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий, ставшие активными проводниками идей славянского единства в Российской империи.

Славянская идея в годы Первой мировой войны приобрела особое значение. Одной из ее важнейших составляющих стал лозунг

славянского единства перед натиском «воинствующего германизма». Пропаганда в этом направлении началась за несколько лет до начала войны и была теснейшим образом связана с внешнеполитической ситуацией. Российская империя и Австро-Венгрия стремились пропагандировать идеи национального сепаратизма на территории будущего противника.

Россия вступала в Первую мировую войну как защитница Сербии, а в ее лице и всех славянских народов. Начало Первой мировой войны было встречено в России с большим душевным подъемом. Приподнятое настроение значительной части русского общества и цели войны как борьбы за освобождение славянства очень точно выразил поэт Сергей Городецкий:

Мы воюем за спасение
Братьев, страждущих славян.
Мы свершим освобождение
Подъяремных русских стран³.

Лозунги защиты малых народов от поработителей и воссоздания национальной государственности занимали значительное место в декларативных заявлениях держав Антанты. В августе 1914 г. российская сторона опубликовала два воззвания к народам Австро-Венгрии и к полякам за подписью Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. В воззвании к полякам, датированном 1 августа 1914 г., говорилось: «Пусть сотрутся границы, растерзавшие на части русский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении»⁴. Декларация великого князя была воспринята в общественно-политических кругах Царства Польского как правительственное заявление по польскому вопросу и обещание польской автономии⁵. Таким образом уже в самом начале войны на официальном уровне декларировался лозунг славянского единства.

С началом войны пропаганда идей освобождения славянства в русской периодической печати усилилась. Сотрудник МИД Российской империи ст. советник А.М. Петряев, подводя в своей официальной записке итоги первого года войны, писал: «Благодаря агитации и пропаганде идея об освобождении западных славян нашла себе благодарную почву в славянофильски настроенном русском обществе. Великой

войне, охватившей всю Европу стал постепенно придаваться характер борьбы за освобождение западного славянства от австрийского ига. Мало-помалу прививалась идея, что война начата не по каким-либо иным высшим политическим причинам, в которых интересы России занимают первенствующее место, а лишь ради освобождения славянских народностей двуединой монархии»⁶.

Летом 1914 г. русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии и заняли Восточную Галицию и часть австрийской Польши. Примечательно, что в официальной пропаганде и в сознании части русской общественности удивительно органично слились две, казалось бы, противоположные мысли: идея освобождения народов и приобретение новой территории на Юго-Западе. Публицист С. Соловьев отмечал, что «самая коренная русская область Галиция, Галицкая Русь возвращается к нам и будущее нашей культуры тесно связывается с Юго-Западом».

Прежде чем приступить собственно к вопросу о пропаганде славянской идеи на территории Восточной Галиции, следует сказать несколько слов об этническом составе этой территории. С точки зрения общественно-политических деятелей Российской империи начала XX в., на территории Восточной Галиции проживала значительная доля русинского населения, тяготевшего к России по языку, вероисповеданию и культуре. По современным данным ситуация выглядит несколько иначе. Н.В. Кабузан предложил для определения этнической принадлежности населения Восточной Галиции использовать язык и конфессиональную принадлежность. Он пришел к выводу, что к началу XX в. доля этнических украинцев в Галиции уменьшалась, так как шли интенсивные ассимиляционные и миграционные процессы. Шла интенсивная смена языка с украинского на польский, снижавшая долю этнических украинцев в Галиции⁷.

Однако помимо декларативных заявлений существовали конкретные внешнеполитические проблемы, которые самым неожиданным образом меняли общеизвестные лозунги. Следует подчеркнуть, что чиновники российского МИД отмечали, что идея славянского единства как один из объединяющих лозунгов для противников Германии и Австро-Венгрии, получила широкое распространение в России, тогда как другие славянские народы совершенно иначе относились к этой

идее. И в самом российском МИД подход к славянской идее становился все более прагматичным и в документах текущего делопроизводства, аналитических записках встречаются указания на то, что одной из ошибок славянской политики России было обращение к славянскому единству. Так, в документах Дипломатической канцелярии российского МИД встречаются аналитические записки, к сожалению, без указания автора, где, например, говорилось следующее: «Мы очень мало считались с психологией славянских народностей и говорили с ними на непонятном для них языке славянской идеологии, в то время как все эти наши славянские клиенты оставались на строго практической почве...»⁸.

Уже в начале XX в. российская бюрократическая элита рассматривала Галицию не только как «наследие князя Даниила Романовича Галицкого, а как источник распространения опасного “национального вольномыслия” среди поляков и украинцев, проживавших в Российской империи. Население Восточной Галиции к началу XX в. не было единым ни в конфессиональном, ни в языковом, ни в политическом отношении. В настроениях галицийской общественности выделялись три направления общественной мысли: старорусская или «москвофильская» партия, стремившаяся к максимально тесным связям с Россией; сторонники сохранения унии, и третью группу составляли галицийские «украинцы», считавшие себя представителями украинского народа. Группы имели свои газеты: украинская — «Дело», «москвофильская» — «Прикарпатская Русь»⁹. Раскол внутри населения Галиции публицист А.Л. Погодин оценивал следующим образом: «Молодое поколение «москвофилов» в начале XX столетия <...> писало и говорило по-русски, поддерживало связи с Россией, но общий путь развития галицко-русской интеллигенции пошел иным путем, мимо России и даже более того, враждебно России, от которой украинцы стремились обособиться»¹⁰. По замечанию ряда украинских историков «Пропаганда славянской идеи в Восточной Галиции столкнулась в годы Первой мировой войны с процессом образования украинского национального самосознания»¹¹.

Поддержка «русофильства» со стороны Российской империи должна была служить созданию определенного равновесия сил в этом регионе. Поддержка «москвофилов» в Галиции, по мнению царского правительства, являлась необходимой для создания там барьера против

польско-украинской агитации в России. Российская пропаганда была направлена на поддержку галицийских «москвофилов», велась силами Галицко-русского благотворительного общества и националистически настроенными депутатами Государственной Думы. Поддержка галицийских «москвофилов» имела для Российской империи важное внешнеполитическое значение, так как давала надежду на формирование на границе с Австро-Венгрией «дружественного элемента». Но официально российское правительство его не поддерживало.

После вступления русских войск на территорию Галиции рассуждения о славянском единстве приняли практический характер. Наиболее важным в этом контексте становился вопрос о поддержке различных политических групп на территории Галиции. Выше было отмечено, что существенную роль играли связи между общественными деятелями в России и Галиции. С началом войны и вступлением российских войск на территорию Восточной Галиции связи российских националистов и галицийских «москвофилов» укрепились. Но при этом произошло столкновение пропагандируемых идей славянского единения и внешнеполитических интересов Российской империи.

Первые месяцы войны показали, что российские националисты, пропагандируя славянское единение, вышли из-под контроля государственных структур и пытались проводить собственную политику. Поэтому практические шаги российских властей в отношении галицийских «москвофилов» были направлены не столько к установлению связей и укреплению единства, сколько к локализации и ограничению их политической активности. Примером может служить дискуссия в российских дипломатических кругах по поводу назначения лидера «москвофилов» В.Ф. Дудыкевича на пост председателя Высшего суда в Галиции. Инициатором этого назначения был Министр иностранных дел С.Д. Сазонов. 25 октября 1914 г. он обратился к министру юстиции И.Г. Щегловитову с письмом, предлагая изменить там судебную систему, дабы «даровать населению вместе с русским административным устройством и справедливый русский суд». План Сазонова не был поддержан И.Г. Щегловитовым. Также российские власти не планировали предоставлять представителям галицийских «москвофилов» политических и государственных постов, поскольку не был решен вопрос о статусе польского населения Галиции.

Вопрос о галицийских поляках, пожалуй, наиболее наглядно показал, насколько условным был лозунг славянского единства и освобождения славян. Во время русской оккупации Галиции началось активное распространение там церковных книг на славянском языке. При этом большие споры вызвал вопрос об открытии польских школ, тогда как школы с «русинским» языком преподавания открывались без задержек, организовывалась подготовка учителей для них. В то же время, в 1916 г. в ряде уездов Восточной Галиции было отказано в открытии польских школ¹². Глубоко враждебными России были признаны школы с преподаванием на польском, немецком и украинском языках. 9 октября 1914 г. группа польских депутатов Думы и Государственного совета направила Г.А. Бобринскому записку о положении в Галиции, критикуя действия тамошней администрации в области образования. Ряд депутатов Думы (М.А. Стахович, Н.Н. Львов, Н.А. Хомяков) в письме Бобринскому отмечали, что создается впечатление, что введение в Галиции русского строя начинается с немедленной борьбы с польской школой и польским языком на всей территории Восточной Галиции. Эти призывы сыграли свою роль, и борьба с польским языком и польской школой прекратилась, но не прекращались борьба с украинским языком и «украиномовием», выразившаяся в постепенном вытеснении униатского духовенства из приходов.

В 1915 г. русские войска оставили Восточную Галицию. К этому времени стало очевидным, что воссоединения разрозненных «славянских племен», как любили писать в газетах, не произошло. Стало очевидным, что галицийские русины не стремятся признавать себя русскими. Но дальнейшая политика в Галиции в 1916 г. показала, что освобождение от иллюзии славянского единства было тяжелым и медленным. 16 июля 1916 г. на временно завоеванных территориях Буковины (Тернопольская и Черновицкая губернии) и Галиции было вновь образовано военное генерал-губернаторство. Военными властями летом 1916 г. были решены вопросы организации управления Восточной Галицией. Основные принципиальные решения принадлежали А.А. Брусилову. Независимо от работы комиссии по разработке нового положения об управлении Галицией им были сформулированы основные подходы к деятельности русских властей в Галиции. Брусилов считал, что задача управления временно оккупированными территориями Австро-

Венгрии на период войны должна исчерпываться мероприятиями по организации содействия войскам и поддержанием порядка в тылу¹³ и полностью контролироваться военной властью.

Военные власти, начавшие играть лидирующую роль в управлении Восточной Галицией в 1916 г., основывались на том, что необходимо «избегать всякой политической тенденции при управлении краем»¹⁴. А.А. Брусиллов считал, что в тех условиях, которые сложились в Восточной Галиции к 1916 г., возможно только военное управление, без политики религиозной, школьной и других вопросов, которые были важными в 1914–1915 гг., все население должно быть равным в правах, без различия национальности и религии¹⁵. Подобной позиции придерживался и начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М.В. Алексеев. Такой подход, казалось, должен был исключить всякие проявления национализма на территории Восточной Галиции.

Новый генерал-губернатор занятых русскими войсками областей Австро-Венгрии, генерал-адъютант Ф.Ф. Трепов (младший) приступил к выполнению своих обязанностей, руководствуясь именно этими принципами. Спектр проблем, которые стояли перед ним как генерал-губернатором был в целом таким же как в предшествующий период: организация жизни гражданского населения, в том числе образования, суда, предупреждение эпидемий, снабжения продовольствием, так как урожай 1915 г. в основном погиб. Осенью 1916 г. генерал-губернатор Трепов разрешил открыть школы в Галиции и вести преподавание по ранее принятым программам. Единственное ограничение было наложено на преподавание немецкого и еврейского языков, а также предписывалось русской администрации наблюдать за тем, чтобы в школе не «допускались проявления, враждебные России». Этим распоряжением устранялись прежние ограничения на преподавание на украинском и польском языках и уже не делалось попыток сразу создать в Галиции русскую школу. Однако это распоряжение вызвало активные возражения Министерства иностранных дел.

Летом 1916 г. МИД возглавил тогдашний председатель Совета министров Б.В. Штюрмер, придерживавшийся крайне консервативных взглядов. С позицией председателя Совета министров и Министерства иностранных дел никак не согласовывалась политика в Галиции,

предусматривавшая свободное развитие преподавания на украинском языке. То обстоятельство, что Трепов не считал возможным немедленно ввести в преподавание в школах Галиции русский язык, вызвало возражения в МИД. Хотя позиция Трепова была вполне объяснимой. Он считал, что введение в преподавании русского языка потребует решения целой массы самых разнообразных вопросов: поиск преподавателей, подбор учебников, определение места нового предмета в уже устоявшейся школьной программе и т.д. Все эти действия, по мнению Трепова, имели бы смысл в более стабильной ситуации, а в условиях военного времени могли только породить массу недовольных и в очередной раз скомпрометировать русскую власть в крае. В Министерстве иностранных дел не разделяли взгляда Трепова на организацию образования в Галиции. Министерство снова обратило внимание на украинский вопрос в Галиции в связи с положением его внутри Российской империи. В министерстве считали, что организация преподавания в школах Галиции является вопросом первостепенной важности, поскольку он тесно связан с «общим вопросом об украинстве и отношении к нему русского правительства»¹⁶, и поэтому школьный вопрос в Галиции должен быть «выяснен и решен в строгом соответствии с нашими государственными и национальными интересами и задачами. Важность этой проблемы, по мнению Министерства иностранных дел, усугублялась тем, что то или другое направление, данное русскими властями развитию образования в Галиции, рано или поздно оказало бы влияние на общественное мнение в малороссийских губерниях и могло иметь последствия политического характера. Это была внутривосточная сторона проблемы. Кроме того, вопрос организации школьного преподавания в Галиции, должен был иметь и внешнеполитические последствия.

Как и в 1914 г., Министерство иностранных дел заявляло, что одной из главных задач российской внешней политики является воссоединение «Прикарпатской Руси с Русью Державной», и полное духовное объединение Галиции с русским народом должно произойти, прежде всего, благодаря русской школе. Языки, которыми пользовалось население Восточной Галиции, по мнению руководства МИД, представляли собой «местные провинциальные наречия русского языка»¹⁷, которые, хотя и имели право на самостоятельное существование, использова-

ние в местном самоуправлении, но в школе «должны служить орудием к усвоению учащимися их единственного языка национального, каковым является только язык общерусский литературный»¹⁸.

Но военные власти, управляя галицийским генерал-губернаторством в 1916 – начале 1917 гг., исходили из задач армейского тыла, а не национальной политики, которая по-прежнему волновала Министерство иностранных дел. Газета «Новое время» писала, что действия новой администрации в Галиции граничат с легкомыслием, и в школах «не должно быть места ни для какой искусственной “мовы” австрийского изобретения»¹⁹. Тем не менее, несмотря на возражения МИД и российской консервативной общественности, в Галиции были открыты школы на принципах, разработанных местными властями.

Наиболее важными вопросами в политике галицийской администрации в 1916 г. были не школьный и конфессиональный, как это было прежде, на первом месте стояли вопросы помощи местному населению, разоренному войной. Русские власти вновь приступили к организации помощи продовольствием, семенами и т.д., пытаясь наладить поставки из России. Деятельность военной администрации в Галиции была прервана событиями февраля 1917 г., и «галицийская проблема» досталась в наследство Временному правительству.

Таким образом конкретные мероприятия на территории Восточной Галиции показали, что идеи «славянского единства» столкнулись с конкретной, прагматичной политикой в отношении отдельных славянских народов. Отношение к отдельным славянским народам зависело от конкретных внешнеполитических задач, которые формировали весьма дифференцированное отношение к славянам.

Примечания

1. *Горяинов А.Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 149; *Досталь М.Ю.* Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. №5. С. 52–59; *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1961; *Рокина Г.В.* Ян Коллар и Россия: история славянской взаимности

- в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998 и др.
2. Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М., 2008.
 3. Слово жизни в духовных стихах, избранных для любителей духовного пения. М., 1994. С. 373–374.
 4. Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты и воззвание Верховного главнокомандующего. Пг., 1915. С. 3.
 5. Подробнее о подготовке текста возвания к полякам см.: *Бахтурина А.Ю.* Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. №8. С. 67–76.
 6. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Дипломатическая канцелярия. Оп. 617. Д. 38. Л. 3.
 7. *Кабузан Н.В.* Этнодемографическая ситуация в Галиции и на Буковине в конце XVIII – начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы. Кишинев. 1991. С. 93–96.
 8. АВПРИ. Ф. Дипл. канцелярия. Оп. 617. Д. 38. Л. 8.
 9. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 133–252.
 10. *Погодин А.Л.* Зарубежная Русь. Пг., 1915. С. 20.
 11. *Плакан Ю.В., Дорбжанской О.В.* «Москвофильское» движение в Восточной Галичине (конец XIX – начала XX в.). Черновцы, 1996.
 12. АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 195.
 13. Там же. Д. 159. Л. 332.
 14. Там же. Д. 195. Л. 48.
 15. Там же. Д. 191. Л. 48.
 16. Там же. Д. 196. Л. 2.
 17. Там же. Л. Зоб.
 18. Там же. Л. Зоб.–4.
 19. Новое время. 16.11.1916.